

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(47).027

О ПРЕДЕЛАХ КАНОНИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ АРХИЕРЕЕВ В ДО- МОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: БОГОСЛУЖЕБНЫЙ АСПЕКТ

П. И. Гайденко

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра гуманитарных дисциплин

В статье предпринята попытка сформулировать проблему пределов канонической власти древнерусских епископов на примере их литургических прав и обязанностей. Автор отмечает, что комплекс канонических прав русской иерархии возникал постепенно и имел в сравнении с Византией существенные ограничения.

Ключевые слова: *Киевская Русь, древнерусская церковь, православие, церковное право.*

На протяжении 25 лет история домонгольской Руси и её церковных институтов привлекает пристальное внимание исследователей. И если ещё совсем недавно слова выдающегося церковного историка Е. Е. Гулубинского о том, что «наша русская церковная история по своему достоинству, как история, должна быть поставлена очень не на высоком месте», звучали приговором¹, то сегодня эта категорическая и справедливая оценка, не потерявшая своей актуальности, в ряде случаев вполне может быть пересмотрена. В целом комплексе специальных монографий, тематических сборников, отдельных статей, разнообразных источниковедческих и историографических работ и диссертаций принципиальному переосмыслению подверглись не только вопросы церковно-государственных отношений, но и многие стороны внутрицерковной жизни древнерусского государства. Тем не менее значительная часть укоренившихся в историографии оценок реалий религиозной жизни раннего русского Средневековья по-прежнему нуждается в фундаментальном пересмотре. Одним из таких недостаточно разработанных и во многом мифологизированных явлений древнерусского средневекового мира может считаться феномен архиерейской власти, получивший свою оценку главным образом в исследованиях историков канонического древнерусского права.

При всей кажущейся недостаточности источников находящийся сегодня в руках исследователей корпус древнерусских письменных текстов и иных памятников старины ещё способен удивлять открытиями. При этом степень изученности древнерусских памятников достаточно высока. Во всяком случае, имеющиеся источники и исследования предоставляют возможность воссоздать многие фрагменты сложной картины жизни древне-

¹ *Гулубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1901. Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский. Ч. 1. С. VII.

русского христианского мира, его иерархии и их канонического сознания. Примером такого успешного переосмысления реалий прошлого вполне может служить совсем недавно вышедшее совместное исследование В. В. Милькова и Р. А. Симонова, посвящённое Кирику Новгородцу².

Наше внимание сосредоточено на вопросах соотношения святительской власти с кругом епископских прав и обязанностей, связанных с организацией богослужебной жизни у восточных славян. По сути, предстоит ответить на два вопроса: какими каноническими правами обладал древнерусский архиерей в Киевской Руси и как комплекс его прав в области регламентации и организации литургической жизни был связан с административно-канонической ситуацией в древнерусском обществе и церкви?

Важнейшей обязанностью епископа выступает совершение им евхаристии. Очевидно, что в церковном сознании Византии, представители которой на протяжении всей истории домонгольской Руси господствовали на киевской первосвятительской кафедре, главным признаком эффективности церковной миссии рассматривалась не проповедь, а богослужение. Так, например, патриарх Фотий, сообщая об успехах некоего безвестного епископа в землях Руси, акцентировал внимание не на распространении Слова Божия среди язычников, а на принятии ими «с великим усердием и старанием» восточно-христианского богослужения³. Подобное отношение к литургической стороне жизни церкви можно встретить и в древнерусском летописании, в легендарном поучении философа, представшего перед князем Владимиром при решении вопроса о выборе вер. Безвестный посланец помимо всего обращал внимание князя на запрет употреблять при совершении христианской службы опресноков, ссылаясь на то, что якобы «платки ихъже Б[огом]ъ не предано»⁴. Подобные суждения присутствуют и в сюжете, описывавшем наставление, полученное Владимиром Святославичем после крещения⁵.

Обращённая к киевскому князю речь философа и преподанное Владимиру катехизическое поучение едва ли могут рассматриваться в качестве источников, заслуживающих полного доверия. Но попытка обратить внимание князя-язычника на нюансы евхаристического свойства более чем примечательна, поскольку характеризует отношение современников-христиан к богослужению. В более позднее время, эпоху Крестовых походов, тема «облаток» отступит на второй план или вообще на некоторое время потеряет свою актуальность⁶. Однако в начале XII в. данный сюжет

² См.: Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М., 2011.

³ Фотий, патр. Окружное послание... // Древняя Русь в свете зарубежных историков. М., 2010. Т. 2: Византийские источники. С. 132.

⁴ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1999. Т. 1. Стб. 86.

⁵ Там же. Стб. 114.

⁶ К. А. Костромин весьма удачно заметил, что путешественник в Святую Землю игумен Даниил сослужил на Гробе Господнем совместно с латинским духовенством и не высказывал каких-то особых возражений относительно их обрядов и обычаев (См.: Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли / отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2007. С. 123–135; Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 12).

имел принципиальное значение⁷. Сила эмоционального воздействия богослужебного обряда ясно осознавалась как византийцами, так и варварами. Именно поэтому торжественное богослужение, совершавшееся в храме Святой Софии в Константинополе, использовалось в качестве средства влияния империи на чувства и разум варваров, что также нашло своё отражение в одном из сюжетов Повести временных лет. Рассказывая о своём пребывании в столице Византии, согладатаи князя Владимира в самых восторженных словах описали благолепие и величие восточного обряда: «не можемъ забыти красоты тоя». В это же время вложенные в уста послов описания служб мусульман и латинских христиан выглядели более скромными, а главное – как нечто «скверное»⁸.

Как уже было отмечено, важнейшей обязанностью епископа в византийской традиции выступает совершение им евхаристии. Несомненно, литургия – стержень христианской жизни древних церквей⁹. В ней помимо догматической оценки присутствовала и экклезиологическая составляющая, способствовавшие формированию особого мировоззренческого осознания сопричастности участников Таинства исторической и премирной жизни Христа, его Церкви и самой библейской реальности¹⁰. Собственно, важнейшим признаком законности епископа было совершение им евхаристии, что нашло своё отражение в церковном предании, закреплённом в чине епископского рукоположения, предполагающем, что после акта хиротонии (возложения рук) и последующего после этого лобзания и приветствия епископ обязан совершить службу¹¹. Таким образом, главным свидетельством церковного единства со времени зарождения церковной организации до сегодняшнего дня является именно евхаристическое общение, а отказ в совместном литургисании становился явным указанием на лишение епископа сана или непризнание его ортодоксальности.

Примеры подобной значимости евхаристического единства прослеживаются не только в византийских, но и в древнерусских источниках. Наиболее наглядно они выявляются в событиях, вызванных процессами автономизации древнерусской церкви в середине XI–XII вв. Первый прецедент связан с известиями о поставлении в 1051 г. на киевскую кафедру ру-

⁷ Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 40–66; Полянский С. М. Этика отношений с иноверцами в антилатинских произведениях митрополита Никифора // Митрополит Никифор / сост. В. В. Мильков. СПб., 2007. С. 112–126.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 107-108.

⁹ См.: Михаил, архиеп. Церковь и Евхаристия в православном сопоставлении // Богословские труды. М., 1984. Т. 25. С. 154–160 (далее – БТ).

¹⁰ См.: Успенский Н. Д. Византийская литургия: историко-литургическое исследование: Анафора: опыт историко-литургического анализа. М., 2006. Т. 2. С. 3–27; 287–310; Его же. Православная литургия: историко-литургические исследования. Праздники, тексты, устав. М., 2007. С. 3–27.

¹¹ Аранц М., свящ. Избранные сочинения по литургике. М., 2003. Т. 1: Таинства византийского евология. С. 446.

сина Илариона¹². Вскоре, со смертью Ярослава Мудрого († 1053), имя этого первосвященника исчезло со страниц летописей. На эти годы приходится ещё одно письменное известие. Согласно записи в Мстиславовом Евангелии, в середине 50-х гг. XI столетия произошло переосвящение Софийского собора, выполнявшего функции митрополичьей кафедры¹³. Фактически действия византийцев означали одно – объявление предшествующего служения еретическим. Следовательно, в киевском Софийском соборе, который считался осквернённым неканоническим служением Илариона, совершение евхаристии было недопустимым. На эти же годы пришлось ещё одно крупное церковное событие, запечатлённое в новгородском летописании: суд над новгородским епископом Лукой Жидятой¹⁴. Значительная роль в этих событиях принадлежит прибывшему из Греции митрополиту Ефрему. Впрочем, личность этого иерарха неоднозначна, загадочна, а канонический статус трудноопределим¹⁵. Но очевидно, что действия византийского митрополита преследовали две важные цели – восстановление византийского присутствия на киевской первосвященнической кафедре и централизацию системы митрополичьего управления¹⁶.

Наиболее рельефно проблема евхаристического общения отразилась в событиях, связанных с возведением на киевскую кафедру митрополита Климента Смолятича. Возникшая по отношению к новому первоиерарху оппозиция со стороны новгородского епископа Нифонта обозначила свою твёрдую позицию непризнания законности поставления Климента простым, но действенным актом – категорическим отказом литургисать с новым митрополитом и поминать новоизбранного первосвященника за служба-

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 155; Запись // *Иларион, св. митр.* Слово о Законе и Благодати / сост. В. Я. Дерягина. М., 1994. С. 113.

¹³ Мстиславово Евангелие XII века: исследования. М., 1997. С. 390.

¹⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 182–183; ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. С. 118; *Мильков В. В.* Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // *Россия XXI в.* 2009. № 2. С. 146–152; *Гайденок П. И.* Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) // *Каптеревские чтения.* 7. М., 2009. С. 53–63.

¹⁵ В историографии высказывалось несколько версий относительно этого митрополита. «Описание киевского софийского собора...» и «Списки иерархов...» подводят к мысли, что под именем Ефрема, возможно, скрывался принявший схиму Иларион, продолживший своё правление до 1071 г. Митр. Макарий вполне обоснованно отверг эти домыслы и отказался от каких-либо собственных предположений (См.: Описание киевского софийского собора и киевской иерархии. Киев, 1825. С. 71; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. С. 1; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240). М., 1995. Кн. 2. С. 130–131). М. Д. Присёлков, полагал, что это был несостоявшийся преемник Иоакима Корсунянина, инок Ефрем, так и не утверждённый на новгородскую кафедру (*Присёлков М. Д.* Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 68). Однако в историографии эта версия не получила поддержку. Не исключено, что грек Ефрем мог быть временной фигурой и выполнял специальную миссию по восстановлению греческого доминирования в церковном управлении северных епархий Византии (*Гайденок П. И.* Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055–1059 гг.). С. 59).

¹⁶ *Хрусталёв Д. Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 272.

ми¹⁷. Несмотря на все попытки убедить или даже заставить Нифонта совершить совместную евхаристию, Климент так и не добился желаемого. Новгородский владыка, заручившийся симпатиями и поддержкой братии Печерской обители, патриархии, князя Святослава Ольговича и, скорее всего, самих новгородцев¹⁸, так и не пошёл на уступки ни митрополиту, ни князю, который, правда, проявил в этом деле предельную осторожность и не торопился применить силу в отношении строптивного и властного новгородца¹⁹. Через несколько лет Печерская обитель вновь приняла в своих стенах прославленного архиепископа Нифонта, прибывшего в Киев для встречи нового митрополита. Но на этот раз новгородский владыка так и не дождался ставленника Константинополя²⁰. Торжественная встреча Константина, нового киевского первосвятителя, была организована князем Юрием.

Примечательно, что одним из первых шагов Константина стало «ниспровержение климовой службы» и совершённых Климентом «ставлений», которые чаще всего трактуются как лишение санов ранее рукоположенных священнослужителей либо наложение запрещений в служении (совершение литургии) на рукоположенное Климентом духовенство и союзников прежнего святителя. Не менее знаменательным шагом Константина, в дальнейшем повлекшим затяжной конфликт митрополита с Ростиславичами, изгнание и более чем необычное погребение святителя, стало наложение им проклятия на Ростислава, протеже и сторонника Климента²¹. Примечательно, что этот шаг новый греческий митрополит закрепил совершением литургии²². Очевидно,

¹⁷ Летописание следующим образом сообщает о случившемся: «Клим понуживаше служити съ собою... он же (Нифонт. – П. Г.) ему тако молвяшеть . неси приять бл[а]гословления от с[вя]теи Софье . и от с[вя]т[о]го великаго сбора . и от патриарха тем же не могу с тобою служити . ни въспоминати тебе въ с[вя]теи службе но поминаю патриарха» (ПСРЛ. М., 1999. Т. 2. Стб. 484). Печерский Патерик практически дословно повторяет эти слова (Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. Т. 4: XII в. С. 352-353; Подскальский Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 80–81).

¹⁸ Независимое поведение Нифонта, получившего поддержку патриарха, закреплённую грамотой (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484), привело к повышению его церковного статуса, поскольку получение архиепископства и выводило новгородскую епископию из подчинения Киева под прямое управление Константинополя (Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 310). Возникавшая ситуация была крайне выгодна для Новгорода, в котором постоянно жили настроения, питавшие автономные амбиции города. Статус титулярной архиепископии создавал прецедент, позволявший в дальнейшем Новгороду использовать его для обоснования своих политических прав на «церковно-государственную» независимость от Киева.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484; Киево-Печерский патерик... С. 352–355.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 346–347; Т. 2. Стб. 483; Киево-Печерский патерик... С. 354–355.

²¹ См. подробнее: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектория традиций: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. С. 80–137; Гайдено П. И. «В се же лето преставися Иоан митрополит...»: беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов Киевской Руси // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. Вып. 46. 2011. № 22 (237). С. 85.

²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 485.

что в описываемом случае богослужение выступало актом, подтверждающим законность принятых Константином решений.

Есть все основания полагать, что право организации, совершения службы или участия в ней выступало свидетельством каноничности поведения или действий епископа. Печерский патерик сохранил примечательный рассказ о замечании, сделанном митрополитом нескольким епископам, самостоятельно прибывшим в обитель без его приглашения на освящение Успенского собора²³. Данный сюжет неоднократно рассматривался в историографии. Как бы ни интерпретировались описанные в нём события, важно то, что первоначальное нежелание митрополита допустить к сослужению с собой епископов объяснялось нормами иерархического поведения. Очевидно, епископы, выходцы из обители, обладавшей канонической экстерриториальностью, не считали для себя обязательным ставить в известность митрополита о своём нахождении в стенах родного Печерского монастыря и, вероятно, полагали, что не имеют необходимости в получении разрешения киевского святителя на участие в местных богослужениях, как, например, это было при первом перенесении мощей преп. Феодосия²⁴. Митрополит, в свою очередь, по-видимому, полагал иначе. Формально обитель располагалась в его округе²⁵ и, следовательно, находилась под его омофором. Поэтому в его глазах своим несанкционированным прибытием на торжества епископы нарушили субординационные и каноническо-территориальные отношения между архиереями, оставив свою кафедру и прибыв без разрешения старшего архиерея в Киев, город митрополичьей кафедры и великокняжеского стола, по сути «царский город»²⁶.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207–208.

²⁴ Тогда в монастырь прибыли Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Марин Юрьевский, Иоанн Черниговский, Антоний Порожский (Киево-Печерский патерик... С. 326–327).

²⁵ Вопрос о том, что такое епископский округ домонгольского периода, может считаться не вполне разрешённым. Ясно, что процесс возникновения епископий, увеличения их числа и превращения их в полноценные епархии прошёл несколько этапов. Границы таких церковных округов определялись пределами реального влияния конкретного архиерея (другой епископ на этом же месте мог такими ресурсами и не обладать). Как правило, власть архипастыря обеспечивалась силой и влиянием его благодетелей в лице князя, городского самоуправления или стоявших за иерархом боярских группировок. Преобразования епископий в епископские округа, которые условно можно было бы назвать «епархиями», началось не ранее середины XII в. и первоначально охватило только ограниченное число земель и территорий – Новгород, Владимиро-Суздальские владения, Смоленск (Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988. С. 280–391; Шапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 33–56; Гайденок П. И. Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 30).

²⁶ 33 Апостольское правило, 5 правило IV Вселенского собора, 11 правило поместного Антиохийского собора, 23 (32) и 106 (119–120) правила Карфагенского поместного собора и 16 правило Двукратного поместного Константинопольского собора не допускают самовольного оставления епископами своих кафедральных городов особенно, если те желают оказаться в столице (Правила Православной Церкви с толкованиями Никоди-

Правда, если епископ или митрополит налагали незаконный запрет на совершавшиеся другими иерархами или рядовым духовенством службы, то власть такого святителя и его ортодоксальность вызывали сомнение, а совершенные епископами действия в подобных случаях непременно порождали божественное отмщение. Такое отношение к власти высшей иерархии стало характерно для XII в.

Примеры подобных конфликтов, порождённых архиерейскими злоупотреблениями при применении литургического запрета, представлены в рассказе о владимирском епископе Феодоре (или Феодорце) и примыкающем к истории этого владимирского владыки (по сути первого епископа, обозначенного в истории русской церкви в качестве «владыки») повествовании о незаконном наказании митрополитом игумена Поликарпа²⁷. Первый злоупотребил своей литургической властью, наложив интердикт на владимирские храмы, второй – отлучил от службы печерского игумена. В глазах летописца, за совершённые владимирским архиереем злодеяния последовала жестокая казнь²⁸, а разрушение Киева стало божественным ответом «за митрополичью неправду»²⁹. В этом отношении примечательно то, что запрет на совершение служб в ростовских храмах был оценён современниками как признак еретичества, что, с одной стороны, выявляет размытость в древней Руси представлений о ереси³⁰, с другой – обнаруживает специфическое понимание истинности веры, как сохранение богослужебной обрядовой традиции.

В контексте обозначенных проблем не менее знаменателен случай наложения митрополитом Михаилом запрета на совершение служб в Новгороде (1135 г.). Очевидно, такой решительный шаг митрополита не испугал новгородцев и их духовенство, продолжавших свою каноническую жизнь в обычном русле. Во всяком случае, этот грозный, но безуспешный шаг киевского иерарха никак не отразился на страницах новгородского летописания. В итоге киевский первосвятитель был вынужден прибыть на берега Волхова лично. Однако столь длительное и беспрецедентное в тот период путешествие духовного лица закончилось тем, что митрополит оказался под арестом в городе, который, казалось бы, должен был трепетать и благоговеть перед властью столичного первосвятителя. Так что ещё некоторое время Михаил был лишён возможности беспрепятственно покинуть Новгород³¹.

Очевидно, практика использования интердикта в борьбе за свои канонические права была хорошо известна русским архиереям³², но всякий

ма, епископа Далматинско-Истрийского. М., 1911. Т. 1. С. 97–98, 342–343; Т. 2. С. 71–72, 169–170, 255–256, 309–312).

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354.

²⁸ Там же. Т. 2. Стб. 551–554.

²⁹ Там же. Т. 1. Стб. 354; *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 118.

³⁰ О феномене еретичества см.: *Иванов М. С., Цыпин В., прот.* Ересь // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18. С. 598–607; *Иванов М. С.* Еретик // Там же. С. 607–610.

³¹ «Того же лета Михаил митрополит Киевски и всяя Руси посла запрещение на весь Новгород» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 9. С. 158).

³² О церковном наказании в форме интердикта см.: *Крысов А. Г., Тюшагин В. В.* Интердикт // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 112–115.

раз её применение рассматривалось как властное злодеяние, вызванное малоавторитетностью епископата. Вероятно, успех интердикта на Руси XII столетия зависел от одного – поддерживались ли эти действия местной светской властью или нет. В случае с Феодором и Андреем Боголюбским тандем епископа и князя делал интердикт грозным карающим оружием, способным смирить любого противника. В истории Новгорода всё было иначе. Здесь в середине 30-х гг. XII в. светская и духовная власть Киева в своих шагах были малорезультативны. Впрочем, возникает вопрос о том, откуда была заимствована практика интердикта: у Византии или у Западной Европы? Не исключено, что источником данной канонической нормы была латинская каноническая традиция, а её использование, возможно, объяснялось тем, что она была хорошо знакома на Руси и, не противореча византийским канонам, могла рассматриваться в качестве эффективного средства воздействия на местное христианское население.

Рассматривая вопрос о пределах власти архиереев Древней Руси в области литургической практики, важно выяснить: был ли свободен епископ в своём выборе места службы в границах подчинённого ему округа? В целом предстоит, если и не разрешить, то, по меньшей мере, обозначить важную проблему: где, когда и при каких обстоятельствах епископ мог совершать службу? В данном случае было бы целесообразно различить эту возможность для митрополитов и местных, удельных, архиереев.

Очевидно, что власть киевских первосвященников в домонгольской Руси не была постоянной, зависела от множества влияний и переживала различные периоды³³. При этом трудно не заметить, что перемещение киевских первосвященников за стены своего города объяснялось главным образом богослужебными нуждами, в основном необходимостью закладки и освящения храмов. Существенной особенностью таких поездок и служб было участие в этих действиях князей-ктиторов, вероятно и приглашавших митрополита в свои обители для совершения полагавшихся в подобных случаях священнодействий. Учитывая сравнительно большое количество монастырских храмов и малое число известий о таких приглашениях, можно заключить, что при благословении очередных престолов ктитория вполне могли обходиться и без участия своего первосвященника. Во всяком случае, без воли или участия князя, как правило, это не совершалось. Правда, древнерусские памятники сохранили и иные, сравнительно немногочисленные упоминания о митрополичьих службах за пределами своего города. Это были княжеские торжества, связанные хоть и с церковными празднованиями, но всё же событиями, обусловленными внутрдинастическими отношениями и Борисо-Глебским культом³⁴. Таким

³³ См. подробнее: *Присёлков М. Д.* Указ. соч.

³⁴ Это связано с событиями 1072 и 1115 гг., ознаменованными прославлением Бориса и Глеба и перенесением их мощей (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 181–1832; Т. 2. Стб. 171–172, 280–282; Съказание чуд[е]сь . страстьрпцьо хр[исто]воу Романа . и Д[а]в[и]да . Г[оспод]и бл[аго]с[ло]ви о[т]че // Успенский сборник XII – XIII вв. М., 1971. С. 62; *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Памятники древне-русской литературы. Пг., 1916).

образом, можно констатировать, что права митрополита на перемещения были существенно ограничены³⁵.

Что касается епископов удельных территорий, то их поездки за пределы города с богослужебными или иными целями, допускавшими возможность совершения служб, также заслуживают внимания. Можно констатировать, что наибольшей активностью отличались новгородские и ростовские владыки, а также постриженники Печерского монастыря, находившие возможность собираться в стенах родной обители по случаю каких-либо важных для монастыря событий. Уверенные действия ростовских и новгородских епископов, вероятно, объяснялись политической целостностью этих территорий, обеспечивавшей церковное единство канонических округов, подчинённых названным кафедрам. В случае монастыря преподобных Антония и Феодосия поведение вышедших из его стен архиереев, скорее всего, имело иное объяснение. Не исключено, что поступки возвращенных в стенах обители иерархов оправдывались, во-первых, сохранением между постриженниками каких-то очень тесных «братских» (своего рода корпоративных) уз, связывавших их с прославленной обителью и между собой на протяжении всей их жизни; во-вторых, продолжительным периодом, во время которого монастырь обладал правами экстерриториальности по отношению к митрополичей кафедре Киева; в-третьих, неспособностью митрополитов отслеживать перемещения удельных архиереев и слабой развитостью епископий, позволявшей епископам без ущерба для церковного дела оставлять свою кафедру. Приведённые выше случаи из жизни монастыря преп. Антония и Феодосия дают основание полагать, что даже в пределах своего округа митрополиту далеко не всегда удавалось контролировать и регламентировать поведение епископов, особенно если те совершали службы на территории Печерской обители.

Если не принимать во внимание особую ситуацию вокруг этого монастыря, то практически все случаи сбора епископов с богослужебными целями [поставление митрополитов (1051, 1147), перенесение мощей (1072, 1115) или встреча князя (111)] происходили по воле великого князя и иногда при участии митрополита. Однако в этих случаях прибывавший на торжества епископат, вероятно, присутствовал в качестве членов княжеских свит (1072, 1115). Впрочем, всё это обнаруживает неразвитость соборного сознания древнерусской церковной организации и мозаичность её административной структуры, на что обратили внимание ещё ранние историки церкви Н. П. Турчанинов, митр. Платон (Левшин) и С. Н. Суворов³⁶.

³⁵ *Гайденко П. И., Филиппов В. Г.* Митрополичьи поездки в Киевской Руси: цели, обстоятельства, значение // *Христианское просвещение и русская культура: матер. XIV науч.-богословской конф. (16–17 мая 2011 г.)*. Йошкар-Ола, 2011. С. 66–80.

³⁶ См. подробнее о соборах и личной власти митрополитов в домонгольской Руси: *Турчанинов Н. П.* О соборах, бывших в России со времени ведения в ней христианства до царствования Иоанна IV Васильевича. СПб., 1829; *Платон (Левшин), митр.* Краткая российская церковная история. Сергиев Посад, 2010. С. 33–37; *Суворов С. Н.* Учебник церковного права. М., 2004. С. 158.

Не всё однозначно и при установлении прав епископа на выбор места своего служения в пределах своего округа и даже кафедрального города. Один из новгородских церковных уставов, связанный с жизнью храма Ивана на Опоках, по сути регламентировал оплату услуг духовенства и ограничивал права владыки на получение вознаграждения за совершаемые службы, не допуская того, чтобы архиерей наезжал в храм для получения вознаграждений за совершаемые им литургии и вмешивался во внутреннюю жизнь храма³⁷.

Ещё одной обязанностью епископата было наблюдение за организацией, совершением и регламентацией служб. Подтверждение этой стороне литургической и богослужебной деятельности находим в целом комплексе вопросов Кирика Новгородца епископу Нифонту³⁸. Очевидно, что в Новгороде, как и на Руси, отсутствовало полное единообразие богослужебного чина. Возможно, такая ситуация отражала положение дел в самой Византии, в которой единый порядок евхаристического последования ещё не сформировался даже в XII в. Продолжительный период богослужебная практика империи допускала совершение различных местных литургий³⁹. Помимо этого в Византии одновременно действовали, конкурируя между собой, два богослужебных устава: константинопольский и иерусалимский⁴⁰. Дело окончательно усложнялось наложением на восточно-христианские богослужебные формы элементов западноевропейских богослужебных традиций, например включение в святцы западноевропейских святых (св. Алексия человека Божия, мч. Анастасии, Аполинария Равеннского, Бенедикта Нурсийского), внесение в богослужебный круг заимствованных у латинян практик (празднование осеннего Георгия Победоносца и перенесения мощей святителя Николая в Бари), использование вместо била ирландского колокольного звона (в Новгороде и Киеве), практики заказных литургий (Новгород), специфических форм внутрихрамовых и монастырских погребений (вел. княгини Евпраксии в Печерском монастыре, захоронения кн. Владимира в Десятинном храме и другие погребения), становившихся элементами сакрального пространства и литургического действия⁴¹. Примечательно, что все эти особенности вводились на территориях не только помимо воли митрополита, но и помимо воли епископата. В этом

³⁷ Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подг. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 160–165.

³⁸ Приготовление веществ к совершению литургии, литургические действия, допущение к совершению служб, организация крещения.

³⁹ Успенский Н. Д. Византийская Литургия (Историко-литургическое исследование) // БТ. М., 1980. Т. 21. С. 6.

⁴⁰ Пентковский А. Литургические реформы в истории Русской Церкви и их характерные особенности // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 1; *Его же*. Константинопольский и иерусалимский богослужебные уставы // Там же. 2001. № 4; *Его же*. Студийский устав и уставы студийской традиции // Там же. 2001. № 5.

⁴¹ См. подробнее: Семикопова Т. В. Истоки учености Кирика Новгородца – монаха, учёного и мыслителя XII в. // Православие и русская литература: сб. ст. Арзамас, 2009. С. 49–54; Мильков В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята... С. 116–157; Костромин К. А. Указ. соч. С. 15–17; Мильков В. В., Симонов Р. А. Указ. соч.

отношении показательно введение в 1108 г. церковного почитания преп. Феодосия волевым решением князя Святополка Изяславича⁴².

Домонгольская христианская Русь не столько противостояла Западной Европе⁴³, сколько присматривалась к ней и осторожно заимствовала её религиозный опыт в той мере, которая позволяла проникнуться красотой церковной жизни и понять её литургическую основу. Правда, источником этого плюрализма выступала княжеская власть⁴⁴. Иерархия, напротив, чаще всего инициировала и ревностно защищала прогреческие традиции в христианской жизни, не только литургической, но даже бытовой⁴⁵. Если усложнение и умножение форм богослужебной жизни может справедливо рассматриваться в качестве ответа на социальные, религиозные и культурные смещения в обществе (прежде всего в обществе верующих)⁴⁶, то и обратный процесс (унификации) также может считаться результатом возникновения принципиальных подвижек в религиозном, культурном и социальном сознании и самоорганизации христианских общин.

Следуя предложенной логике, можно заключить, что появление в XII в. в «Вопрошании» Кирика Новгородца целого комплекса вопросов, затрагивавших вопросы организации и совершения служб, прежде всего литургий, также стало следствием многообразия присутствовавших в городе литургических практик, на которые епископ не мог самостоятельно повлиять. Заслуга в их унификации, несомненно, принадлежит Кирику, вероятно исполнявшему обязанности, которые условно можно соотнести с должностью архиерейского «секретаря», «харотофилакса». Скорее всего, Кирик, как доместик, и был инициатором этой унификации богослужебных и обрядовых форм. Скажем, уже с начала XIV в. такие вопросы епископы решали в форме собственных посланий⁴⁷. В XII столетии наблюдалось иное:

⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 259.

⁴³ Наиболее последовательно эта ошибочная точка зрения, основанная на предвзятом изложении и истолковании источников, проводится в исследовании одного из лидеров русской эмиграции Н. Н. Воейкова (*Воейков Н. Н. Церковь, Русь и Рим*. Джорданвилль, 1983).

⁴⁴ Крупнейшими заказчиками строительства храмов были именно князья, они же и устанавливали принципы, по которым должны были организовываться формы богослужения. Во всяком случае, значительная часть латинских заимствований были связаны с инициативой светских лиц и прежде всего князей и боярства. Наиболее ясно это прослеживается в архитектурных формах Новгорода, Ростова, колокольном звоне и иных элементах церковной жизни (о колоколах см. подробнее: *Каровская Н. С. Феномен колокола в русской культуре*: автореф. дис. ... канд. культ. наук. Ярославль, 2000; *Бондаренко А. Ф. История распространения колоколов и колокольного дела в средневековой Руси в XI–XVII вв.*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007).

⁴⁵ В качестве примеров такой приверженности бытовым нормам византийского мира могут служить, по крайней мере, два свидетельства: строительные инициативы переяславского митрополита Ефрема (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 209; *Хрусталёв Д. Г.* Указ. соч. С. 56–68) и ответы Саввы о возможности нахождения креста в опочивальне. Описанный киевским митрополитом быт греков, рассматривался Климентом в качестве своего рода образца (Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1880. Т. 6. Стб. 52).

⁴⁶ *Михаил, архиеп.* Церковь и Евхаристия в православном сопоставлении... С. 157.

⁴⁷ Это целый комплекс архиерейских посланий, связанных с требованиями соблюдения канонической дисциплины и литургического единства. Их создателями были митрополи-

этот процесс происходил «снизу», а епископ выступал лишь в качестве своего рода «эксперта». Примечательно, что подобные вопросы прослеживаются и в канонических ответах митрополита Иоанна⁴⁸. Таким образом, возникает впечатление, что по каким-то не вполне понятным сегодня причинам епископская власть продолжительное время не могла самостоятельно регламентировать вопросы богослужения или, по меньшей мере, не проявляла в этом деле никакой, казалось бы ожидаемой, инициативы. Очевидно, что в эти же десятилетия различные монашеские общины имели возможность самостоятельно, без согласования с архиереем, выбирать свой богослужебный устав, как это случилось в Печерском монастыре, настоятель которого, Феодосий, самостоятельно ввёл в своём монастыре Студийский устав. Подобная ситуация на примере богослужебных практик Новгорода прослеживалась и на северо-западе Руси.

Всё вышесказанное позволяет заключить, что каноническая власть архиереев в домонгольской Руси не обладала той широтой, которая обычно приписывается епископату в историографии. Эти ограничения проявлялись даже в литургической плоскости. Причины столь своеобразной ситуации были многообразны: от политических реалий до канонической мозаичности структуры древнерусской церковной организации. Однако всё это требует дальнейшего исследования, описания и обсуждения.

Список литературы

1. *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Памятники древне-русской литературы. Пг., 1916.
2. *Аранц М., свящ.* Избранные сочинения по литургике. М., 2003. Т. 1: Таинства византийского евхология.
3. *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский. М., 2007.
4. *Гайденко П. И.* «В се же лето преставися Иоан митрополит...»: беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов Киевской Руси // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. Вып. 46. 2011. № 22 (237).
5. *Гайденко П. И.* Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) // Каптеревские чтения. 7. М., 2009.
6. *Гайденко П. И., Филиппов В. Г.* Митрополичьи поездки в Киевской Руси: цели, обстоятельства, значение // Христианское просвещение и русская культура: матер. XIV науч.-богословской конф. (16–17 мая 2011 г.). Йошкар-Ола, 2011.
7. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1901. Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1.
8. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Траектория традиций: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010.

ты Кирилл II, Максим, Феогност, Алексей, Киприант, архиепископ Дионисий, епископ Стефан и другие (см. грамоты и послания подробнее: РИБ. Т. 6. Ч. 1).

⁴⁸ Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 1–20.

9. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240). М., 1995. Кн. 2.
10. *Мильков В. В.* Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в.. 2009. № 2.
11. *Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М., 2011.
12. *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
13. *Полянский С. М.* Этика отношений с иноверцами в антилатинских произведениях митрополита Никифора // Митрополит Никифор / сост. В. В. Мильков. СПб., 2007.
14. *Присёлков М. Д.* Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003.
15. *Рапов О. М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988.
16. *Семикопова Т. В.* Истоки учености Кирика Новгородца – монаха, учёного и мыслителя XII в. // Православие и русская литература: сб. ст. Арзамас, 2009.
17. *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.
18. *Успенский Н. Д.* Византийская Литургия (Историко-литургическое исследование) // Богословские труды. М., 1980. Т. 21.
19. *Успенский Н. Д.* Византийская литургия: историко-литургическое исследование: Анафора: опыт историко-литургического анализа. М., 2006. Т. 2.
20. *Успенский Н. Д.* Православная литургия: историко-литургические исследования. Праздники, тексты, устав. М., 2007.
21. *Хрусталёв Д. Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002.
22. *Шанов Я. Н.* Государство и церковь в Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.

**ABOUT LIMITS OF THE INITIAL POWER OF BISHOPS IN
DOMONGOLSKY RUSSIA: DIVINE SERVICE ASPECT**

P. I. Gaydenko

Kazan national research technological university, the chair of of
humanitarian disciplines

The Old Russian church organization which has arisen at the end of the X-th century represented a difficult and diverse organism. The highest church hierarches in the person of the metropolitan and the episcopate were key figures of this difficult institute. The complex of the initial rights of Russian hierarchy arose gradually and had essential restrictions in comparison with Byzantium. In article attempt to formulate a problem of limits of the initial power of Old Russian bishops on an example of their liturgical rights and duties is undertaken.

Keywords: *Kievan Rus, Old Russian church, Orthodoxy, ecclesiastical law.*

Об авторе:

ГАЙДЕНКО Павел Иванович – Казанский национальный исследовательский технологический университет, кафедра гуманитарных дисциплин, доктор исторических наук, доцент, e-mail: paul08kaz@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 24.04.2012